

С

Софья Ролдугина
Джезебел Морган
Женя Юркина

НЕМНОГО О ЧУДОВИЩАХ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р67

Иллюстрация на обложке чехарда
Иллюстрации на форзацах, дизайн обложки
и макет *Анны Кроник*

Ролдугина, Софья.

Р67 Немного о чудовищах / Софья Ролдугина, Джезебел Морган, Женья Юркина. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-213294-0

Слова Софьи Ролдугиной, Жени Юркиной и Джезебел Морган звучат словно шаги в густом лесу, где ночь не кончается. Здесь шорохи превращаются в голоса, дома оказываются живыми, а тихие песни — ловушками для тех, кто осмелился слушать.

Здесь принцессы не ждут спасения, колыбельные убаюкивают навеки, ведьмы рассказывают свои истории, а чудовища говорят голосами, в которых легко узнать самого себя. Это сказки, которые не рассказывают детям — слишком страшные, слишком правдивые.

Поэзия, где свет фонаря дрожит перед тьмой и каждый читатель рискует обнаружить за строкой собственный страх.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Морган Д., текст, 2025
© Ролдугина С., текст, 2025
© Юркина Е., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-213294-0

Сказки старые
и новые

Чьи шаги так тихи, легки? Кто бежит по лесной тропе?
А в корзинке что? Пирог? Если хочешь, оставь себе,
Тут всего на один зубок. Ох, и скучно же тут, в глуши!
Нам бы вот поболтать чуток — сядь, послушай. И не дрожи.

Говоришь, он тебя спасёт? Это кто ещё? А, герой...
Твой? Призналась ему? Как нет? Хочешь, сердце ему открой.
Я слышал, что любовь — палач... и спасение для души.
Станет больно — тогда заплачь и скажи, что я разрешил.

Если мир будет подл с тобой, не тушуйся и не робей:
Позволяю тебе быть злой и по вторникам есть людей,
Только, чур, не поздней шести — или лучше добавь в салат.
Впрочем, это я пошутил. А в салате вкусней шпинат.

Ни компания, ни родня от депрессии не спасёт —
Лучше зубы, как у меня, отрасли на двадцатый год.
На тридцатый — учись смотреть, а потом — закрывать глаза:
Раз промотана жизнь на треть, значит, поздно плестись назад.

В волчьей шкуре житьё не рай. Выбирай, что тебе милей:
Любишь красное — надевай, о потерянном — не жале́й,
Если будет щемить внутри — значит, сердце там где-то есть.
А захочешь поговорить — возвращайся. Я буду здесь.

БАШНЯ

Когда-то раньше всё было проще. Драконы, рыцари, колдуны —
В своих сражениях скоморошьих почти невинны, почти равны,
Почти что дети в прозрачных, ясных и однозначных оттенках
чувств.

Но время тянется, и, к несчастью, я не старею — и я учусь.

Твои усилия бесполезны, ведь мне достаточно подождать,
Позволить старости и болезням тебя до остова обглодать.
Но если ненависти лет триста — с любовью разницы нет на вкус.
Когда-то раньше всё было чистым.
Я это чувство почти боюсь.

Длиннее к вечеру тень от башни. Я жаден; я не отдам своё.
Наверно, будет немного страшно скитаться здесь до конца
времён —

И ты, впечатанный в этот город, стоптавший улицы до костей,
Наотмашь смотришь с немым укором из междустрочия на листе,
Почётный пленник в густом тумане, закатный отблеск на витраже.
...наверно, будет немного странно врагом прикидываться уже?

Ты сможешь даже почти поверить, что будет лучше, что ты
привык,

Но в горле, стиснутом до потери дыханья, пеной клокочет крик.
Ты вечен? Что же, я тоже вечен, я буду ждать, и мне хватит сил.
Когда ты сделаешь шаг навстречу — я окончательно победил.
Когда приткнёшься к порогу башни, ведь больше некуда,
больше не...

Всё представляется настоящим в оцепененье и в тишине.

И в этом вынужденном молчанье, как будто ставшем для нас
тюрьмой,
Я ставлю сорванное дыханье в хрусталь фамильный —
и на трюмо.

Сомкнувшись, тонко дрожат ресницы, и каждый выдох —
наперечёт.

Красиво, правда, мой мёртвый рыцарь?

Ты посмотри, как оно цветёт...

БАШНЯ#2

Предай меня, пожалуйста, как всех.
Оставь меня, пожалуйста, в покое.
Спасись хотя бы тем, что ты жесток,
Безжалостен, неумолим как рок...
Но ядовитый вѣх, и белый мех,
И этот образ мрачного изгоя —
Он сердца твоего уже не скроет.

Я, знаешь, к сожалению, не слеп —
А ты как на ладони в этой башне,
Ты уязвим — в дурацкой доброте,
В готовности довериться не тем,
Как будто и не знаешь всех легенд,
Возвысивших тебя и оболгавших...
Но если впрямь не знаешь — это страшно.

Охотиться на духов и химер —
Давно уже скорее долг, чем труд.
Но с каждым веком меч всё тяжелее.
А может, это я слабею?
Мне меч бы заменить на револьвер,
Но пули мёртвых тварей не берут.
...зато меня, наверное, возьмут.

Не хочешь относиться как к врагу —
Назначь мне плату: кровь, и плоть, и душу,
Пусть это будет сделка, договор...
Но ты уже уставился в упор:
«Я просто помогу, ведь я могу».
А ведь и правда, только ты и сдюжишь.
Но от улыбки маетно и душно:

Мои друзья, соратники и братья,
Делившие и радость, и нужду,
Все те, с кем мы плечом к плечу стояли, —
Я вспомню их по именам едва ли.
Погибли; перемолоты проклятьем.
Так брось меня, не отводи беду —
Не выходи из башни, мой колдун.

БЕЛЫЙ – АЛОМУ (Неблагой – Благому)

Я триста лет знаком с его хитрой рожей,
родился он в ноябре — охладелом, чалом.
Хотя ему с другими сходиться сложно,
он не адепт трагического начала.
И к поясу приторочены спицы,
а не кинжалы.
Шнурки, бусины и косицы —
всё безнадёжно
алое.
Его одежды дорожные —
осиновые, кленовые.
Я с ним становлюсь болтливее.
Но мне по душе безмолвие:
поля уязвимо белые, согбенные ивы
сонные,
бураны летят, по небу раскинув седые
гривы,
я в шутку скидываю с него корону...
И он замирает в эту секунду — и умирает тоже.
Заносит следы его
моё дыхание.
И лёд одевает бусины сияющими гранями,
и я заплетаю снежное в его киноварные пряди.
Мне кажется возмутительно серьёзным —
и настоящим —
его лицо, отражённое в глади
озёр, подо льдом спящих.
Но всё же есть нечто жуткое,
шаткое,
в этой почти-смерти.
Со смехом я возвращаю корону ему — шутка,

давай, улыбнись, ну же,
ты нам дураком нужен,
угрюмцам двоим тесно —
вон лёд на реке треснул...

И та же глубокая трещина раскалывает мне сердце.

Ступай же, приятель, дальше, бродяжничай по дорогам,
в своей шутовской короне пурпурного чертополоха,
носись по холмам диким, зелёным и крутобоким,
я буду с тобой вечно — вплетённым в косу сполохом.

ВАСИЛИСЕ

Неуверенно, тонко ложатся на холст стежки,
Еле теплится огонёк — еле теплится и чадит.
Значит, время пришло рукоделие отложить,
Значит, время пришло за околицу выходить.
А за первой стеной воздух сладок, душист и пьян,
Так беги во весь дух и, когда упадёшь — не ной.
Только дальше тропа однажды свернёт в бурьян:
Встанут лозы колючие плотной — второй — стеной.
Мир за ней — точно страшный дремучий лес,
Так несись напролом, если ощупью не пройди!
Здесь научат тебя не разнеживаться в тепле
И считать перед каждым ответом до десяти.
Когда станет тебе от уроков не по себе —
Череп сдёрни у ведьмы с колышка и иди.
Ведь за третьей стеной только марево до небес,
И скитаться тебе в этом мареве до седин.
Ты поймёшь, что и правда все горести от ума,
Сердце больше — отчаянья шире диапазон...
За четвёртой стеной оседает росой туман,
И прозрачней ледышки становится горизонт.

Неуверенно, робко ныряет игла в канве.
Незаметна цепочка следов под сухой листвой.
...Как во сне — как слепая, чумная — идёшь на свет.

Только чувство такое, как будто идёшь домой.

Эта сказка древнее гор: вот тиран, вот его народ, что спасения от него по-овечьи покорно ждёт — а в пророчествах сущий вздор, где-то сгинул герой в ночи.

Чем опасней и гаже хворь, тем лекарство сильней горчит.

Пусть у зла есть и чин, и сан, горы золота в сундуках, но в саду у тебя — дурман, аконит, белена, сумах. Если отсвет надежды слаб, то тогда настаёт черёд госпожи ядовитых трав, ведьмы пустошей и болот; собирая по лепестку смертоносный дурман в горсти, ты готова уже врагу дар прощальный преподнести — полной чашей.

А в чьей руке... В той, что ближе — тебе ль не знать?

Кто отправил гонца к тебе?

Верный рыцарь.

Служанка.

Мать.

Неизбежен такой финал, как закат или как рассвет. Но как только побеждена хворь — в лекарстве нужды и нет: видишь отблеск того костра, на котором тебе гореть?

Госпоже ядовитых трав за услугу оплата — смерть.

Крутят воды реки времён без помех колесо судьбы. Ход событий определён, но в узоре у прях слепых что-то явно пошло не так: на могиле растёт трава, и похоже, что жив твой враг.

...Как ни странно, и ты жива.

Триста лет пролетело вмиг, а расклад, как ни глянь, не нов: твой противник, жесток, велик — в белой башне до облаков.

Но у башни есть тень.

В тени, там, где сад утонул в дыму, ты посеяла аконит, наперстянку и белену. Не явился опять герой, за спасеньем к тебе идут: называют тебя сестрой, бьют челом — отведи беду!

Ты кивнёшь.